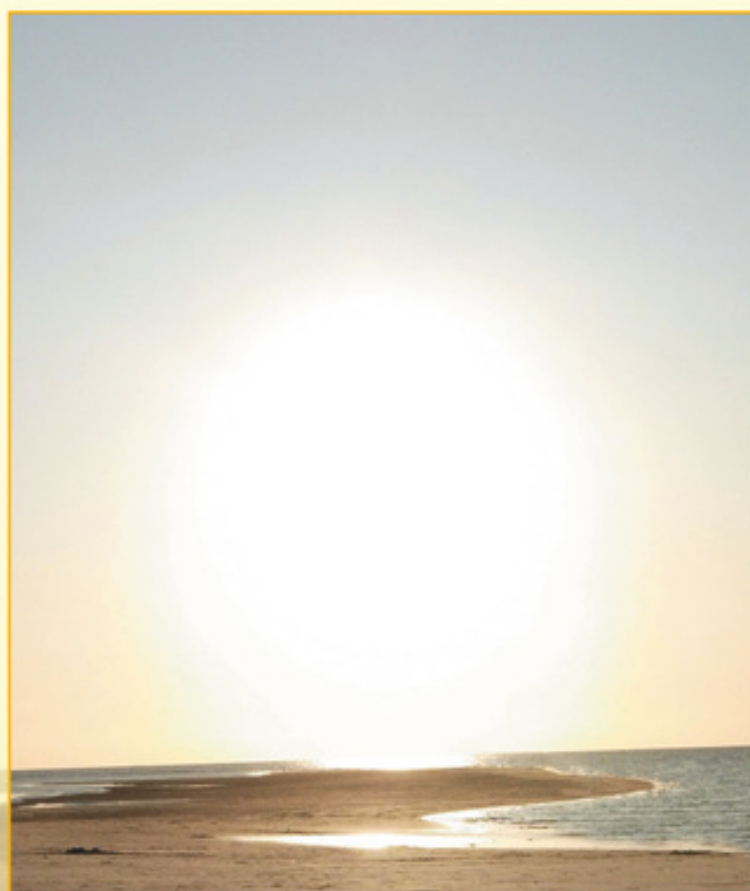

S E R I E S M I N O R

МАРТИН ХАЙДЕГГЕР

ЛЕКЦИИ О МЕТАФИЗИКЕ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

2-е издание,

дополненное

Мартин Хайдеггер
Лекции о метафизике

«Языки Славянской Культуры»

2014

УДК 1.14
ББК 87.21

Хайдеггер М.

Лекции о метафизике / М. Хайдеггер — «Языки Славянской
Культуры», 2014

В книге представлена важнейшая лекция Мартина Хайдеггера «Что такое метафизика?» и главы из курса лекций о Ницше. Особое внимание неизменно уделяется самым основам метафизики, даже когда речь как будто идет о другом, поэтому лекции дают некоторое представление о позиции и философии Хайдеггера в целом. Книга не предназначена для широкого круга читателей, даже для любителей сложных умственных построений, хотя бы потому, что для углубления в философию этого замечательного мыслителя одного интеллектуального усилия недостаточно – необходимо еще и экзистенциальное. Однако для тех, кто не может не думать о смысле и сущности собственной жизни, вообще бытия, эти лекции могут оказаться очень полезными, захватывающими и интересными. Во 2-е издание в качестве приложения включена статья Элизабет Фёрстер-Ницше «О создании „Так говорил Заратустра“». В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 1.14
ББК 87.21

© Хайдеггер М., 2014
© Языки Славянской Культуры, 2014

Содержание

От переводчика	6
Что такое метафизика?	12
Постановка метафизического вопроса	13
Углубление в вопрос	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Мартин Хайдеггер

Лекции о метафизике

© Жигалкин С. А., составление, перевод на русский язык, комментарии, 2014

© Языки славянской культуры, издание

* * *

От переводчика

Ни один перевод работ Мартина Хайдеггера на другой язык никогда не отразит всей глубины его мысли, не передаст убедительности подлинника. В действительности это относится ко всем значительным произведениям, но к трудам Хайдеггера всё же в особенности. Поэтому тем, кто намерен основательно погрузиться в его философию, желательно выучить немецкий язык: задача куда более простая, чем разобраться в фундаментальном анализе здесь-бытия или, допустим, в экспликации времени как трансцендентального горизонта вопроса о существовании как таковом. В переводе произведение всегда раскрывается в определенном ракурсе, который зависит от понимания переводчика. Вероятно, для полноты впечатления предпочтительнее располагать несколькими переводами. Более того, по прошествии времени величайшие произведения, наверное, стоило бы переводить заново. Подобное, надо заметить, и так происходит стихийно: достаточно вспомнить различные переводы Платона, Канта, Данте, Гофмана, По, классических текстов минувших эпох.

Тем не менее от перевода ждут относительной адекватности. Связанные с этим проблемы отлично известны как переводчикам, так и читателям, но все-таки скажем о них несколько слов.

Чтобы перевести текст, достаточно хорошо знать иностранный язык – это заблуждение свойственно многим. Если как следует не понимают сути дела или же плохо владеют родным языком, о переводе нечего и говорить: ни одна фраза, даже формально корректная, никогда не раскроет нужного образа, не передаст настроение, смысл. Только понятное переводчику может быть выражено и на другом языке, не более того. Мысль, состояние, чувство не возникают из рационального составления слов, пусть лингвистически и безупречного, скорее наоборот: именно чувства и мысли и побуждают слова выстраиваться в нужном порядке. Вряд ли творения Баха возникли из перебирания клавиш органа: первичны, наверное, всё же духовные сферы, благодаря которым и рождались его грандиозные мессы. Разумно нельзя объяснить, каким образом тончайшие чувства и мысли нисходят в звуки, слова, скульптуры, картины – вообще в вещество. Нет свода правил, следуя которым можно выразить настроение, смысл, красоту. Это свершается как бы «само по себе»: если есть чувство и мысль, они всё равно отразятся в словах, если их нет, значит, нет. Поэтому всякий формальный «подстрочник» – всего лишь бессмысленный набор слов. Не будь это так, достаточно было бы только «подстрочника». Случается, что поспешные дореволюционные переводы с массой небрежностей и ошибок, но сделанные талантливым писателем (Бальмонтом или Е. Бертельсом, например), куда предпочтительнее современных, исключительно точных и безукоризненных в грамматическом отношении.

Посему несомненна и совершенная невозможность компьютерных переводов – ведь компьютер не понимает смысла, особенно когда речь идет о настроениях и состояниях. Понимание чувств механизмом, осознание им себя как себя вовсе не дело времени: это невозможно по сути. Как бы не назывались подобные изыскания – големом, гофмановской Олимпией, автоматом, роботом, искусственным интеллектом, результат неизменно один: абсолютный провал. Во власти чёрта создать что угодно, кроме души, иначе к чему столько трудов, неприятностей, сложных усилий ради, к примеру, души одного только доктора Фауста. Однако, как мог бы заметить математик, в одном частном случае компьютерный перевод всё же возможен: когда смысл исходного текста равен нулю.

Итак, перевод – всегда интерпретация, пересказ, но искусство как раз в том и состоит, чтобы этот пересказ, во-первых, все-таки следовал оригиналу, и, во-вторых, был бы законченным произведением и сам по себе. Поэтому в переводе всегда неизбежно присутствует индивидуальность переводчика, но чем ее меньше, чем менее она очевидна, тем лучше.

Читая хорошую книгу во второй, в третий раз, находят всё новые смыслы. И не только, когда возвращаются к тексту спустя много лет: состояние нашего ума постоянно меняется, каждую секунду рождаются вереницы самых непредсказуемых ассоциаций, и тот же фрагмент, перечитанный сразу, воспринимается уже по-другому, а то и вообще раскрывается с иной, неожиданной стороны. Представим, что в процессе чтения мы могли бы мгновенно записывать перевод. При каждом повторном прочтении книги он всякий раз был бы правильным, однако – всегда иным.

Разъяснять, кто такой Мартин Хайдеггер, безусловно, излишне: о самом значительном философе двадцатого века сегодня можно прочитать в журналах и книгах. Но о переводах стоит поговорить. Проблема в том, что тексты Хайдеггера нельзя просто так взять и перевести. Не только потому, что уровень абстракции в его работах невероятно высок и что при этом внимание, мысль постоянно обращены к основам и сущности бытия. Хотя и непросто держаться в подобном контексте, главная трудность всё же в ином – это немецкий язык. Хайдеггер чрезвычайно интенсивно использует этимологию, словообразование, морфологию, всевозможные специфические особенности этого языка. При постановке вопросов и углублении в них, для раскрытия важных аспектов, для обозначения новых понятий и просто для пояснений в дело идут корни, приставки, окончания, суффиксы, составляются новые слова и словосочетания, которым придаются новые смыслы. Всё связано одно с другим и с изначальными значениями морфем. Если он произнес, скажем, *die Frage*, жди *das Gefragte*, *das Befagte*, *das Erfragte*, *das Fragen*, *das Fragen dieser Frage*, *hinein–* и *hinausfragen* и тому подобное.

Самый невинный пример. Предложение из лекции «Что такое метафизика?»: «В экзистенциальном страхе „становится не по себе“». Словосочетанием «не по себе» переведено наречие «*unheimlich*». Согласно словарям, «*unheimlich*» означает «жутко, тревожно, зловеще». Однако, более подробно развивая ту же мысль в книге «Бытие и время» (§ 40), Хайдеггер пишет следующее:

В экзистенциальном страхе становится «*unheimlich*». При этом совершенно невозможно определить, что именно внушает здесь-бытию (*das Dasein*)¹ страх. Чего мы боимся? *Ничего*. Внушающего страха нет *нигде*. «*Unheimlichkeit*» вместе с тем означает и «находиться-не-дома»². При первом феноменальном обсуждении фундаментальной конституции здесь-бытия и объяснении экзистенциального смысла словосочетания «в-бытии», а также его отличия от категории «нахождение внутри», в-бытии было определено как «жить в...», «быть в доверительных отношениях с...». Этот характер в-бытии далее был разъяснен с помощью повседневной открытости общего, безличного человека (*das Man*), который привносит в усредненную повседневность здесь-бытия успокаивающую самоуверенность и ощущение, что всё хорошо и как бы «находятся у себя дома». Экзистенциальный страх, напротив, вызволяет здесь-бытие из его распаднического растворения в «мире». Доверительные отношения с повседневностью разрушаются. Здесь-бытие обособляется *как* бытие-в-мире. В-бытии входит в экзистенциальный «модус» «не-дома». Именно это и подразумевается в рассуждениях об «*Unheimlichkeit*».

То есть под словом «*unheimlich*» по крайней мере подразумевается, во-первых, «неуютно, как бы не у себя дома», во-вторых, «жутко, тревожно, зловеще» и, в-третьих, «отчужденно, без близких, доверительных отношений». При этом мы вообще опускаем второстепенные

¹ Здесь-бытие, в частности, это мы сами. См. комментарии к лекции «Что такое метафизика?».

² От нем. *das Heim* – «дом, домашний очаг» и ю. – нем. *die Heimlichkeit* – «домашний уют», также *die Heimat* – «отчизна, родина».

смыслы, которые хотя и придают немецкому слову дополнительные оттенки, всё же не столь существенны – к примеру, антонимы к «heimlich» («таинственно, скрытно, секретно, украдкой, негласно, втихомолку»). Непросто подобрать русское слово, имеющее сходные значения, – приходится отчего-то отказываться, иначе выражать смысл. И это еще довольно безобидное затруднение. Намного сложнее, когда дело касается основной терминологии, например, бесчисленных вариаций со словом «das Sein» («существование, бытие»). Das Sein, das In-sein, das Seiende, das Seiendheit, das Dasein, das Da-sein, das DrauBensein, das Sein des Seienden, die Seinsverfassung des Dasein, das In-der Welt-sein, das Sein bei, das In-der-Welt-sein des Dasein, das existenziale Sein des eigenen Seinkönnens des Daseins selbst, das Selbst des Dasein и другие. Все эти вариации на немецком понятны, ясно и хорошо объяснены. Но как их переводить? Из крайностей мне вспоминаются два английских перевода. В одном беспощадно эксплуатировалось слово «being». Его писали и со строчной буквы, и с прописной, курсивом и жирным, в рядку и с подчеркиванием – путаница вышла довольно серьезная. В другом переводе основные немецкие слова были оставлены как есть и в изобилии снабжены сносками: получился своеобразный англо-немецкий язык – тоже, естественно, мало понятный. Попытки построить на другом языке аналогичные словообразования – отобразить, так сказать, хайдеггеровский авторский стиль – также приводят лишь к нагромождению диких, немыслимых нововведений, в которых теряется вообще всякий смысл. И это при том, что работы Хайдеггера отличаются ясностью мысли, блестящим развитием тем.

Совершенно очевидно, что при переводах Хайдеггера «дословность», «калькирование» должны быть исключены. Следуя не букве, а мысли, конечно, приходится смириться с потерей контекстуальных связей, намеков, иронии, прочих тонкостей. Но если иначе нельзя, важнее все-таки выразить собственно мысль, пусть и другими словами.

Первая из двух предлагаемых работ – лекция «Что такое метафизика?». Она замечательна тем, что в ней намечены и частично раскрыты основные моменты всей философии Хайдеггера, которые проходят практически через все его произведения. Знакомство с этой лекцией, безусловно, облегчит понимание и других сочинений. С первых же строк поражает его подход к метафизике – сама постановка задачи, и затем – весь ход мыслей, направленных только на самую суть. Никаких отвлечений на ассоциативные и второстепенные темы, никаких описаний всяких занятых сторон бытия.

На первый взгляд изложение может показаться беглым и фрагментарным: многое сказано слишком кратко, многое лишь упомянуто, вообще не разъяснено. В какой-то мере такое впечатление оправданно: лекция сжатая, схематичная, имеющая, скорее, тезисный характер. Однако если следовать за философом, прежде всего стараясь понять основную идею – собственно смысл, те же самые разъяснения оказываются совершенно исчерпывающими: главная, невероятно глубокая мысль раскрывается зримо, во всей полноте. Достичь в этом ясности, конечно, не так-то и просто, однако усилия, вне всяких сомнений, стоят того.

Лекция прочитана Мартином Хайдеггером 24 июля 1929 года в актовом зале Фрайбургского университета по случаю вступления в должность заведующего кафедрой вместо покинувшего ее Эдмунда Гуссерля и впервые опубликована в конце того же года. Вскоре появились переводы на французский, японский, итальянский, испанский, португальский, английский и турецкий языки. Настоящий перевод выполнен в 2009 году по отдельной брошюре (*Martin Heidegger. Was ist Metaphysik? Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1943*), в которой представлен исправленный автором первоначальный текст с добавленным в 1943 году послесловием.

Вторая работа – главы из курса лекций о Ницше, прочитанных в 1936–1940 годах, взятые из тома «Метафизическая концепция Ницше и ее роль в европейском мышлении: вечное возвращение равного». Одна из немногих серьезных работ о величайшем философе нашего времени. Интересный, захватывающий текст. Удивительна деликатность, с которой Хайдеггер

относится к учению Ницше: в полном согласии с собственной философией, он стремится лишь сделать зримой тайну и глубину этого учения и ни в коем случае не собирается его разъяснить, оценить, дать окончательный ответ. Он подходит к учению так же, как в прошлые времена человек приближался к сакральному: чтобы только присутствовать в нем, стать причастным к нему, в своих рассуждениях, мыслях, прозрениях не претендуя на истину, не посягая на подлинный смысл. Только такой подход ко всему значительному способен раскрыть его бездну и высоту. Окончательное разъяснение, оценка, ответ в отношении какой-либо философии, как и в отношении метафизических вопросов о сущности бытия, лишь превращают их в мертвую схему, фальсифицируют суть.

Оценивая всё с привычных позиций, нельзя ничего увидеть, кроме соответствующего этим позициям, нельзя различить иной горизонт. В этом смысле занятна манера рассуждений советских философов: «Здесь Гегель был прав, а здесь не прав, это он понимал, а это нет, здесь очевидно ошибался, а здесь хотел сказать вовсе не то». Сие объясняется тем, что они знали истину, и с ее высоты было легко судить обо всем. Но когда эту истину вдруг объявили фальшивкой, непонятны резоны и далее действовать в том же духе, ведь для подобных сентенций надо иметь свою философию и быть убежденным в ее правоте.

В лекциях о Ницше, изобилующих цитатами из всех опубликованных произведений философа, а также из многотомного собрания набросков, писем, черновиков, особенно когда одна мысль, одна тема постепенно раскрывается в различных параграфах различных произведений, заметок, записок, Хайдеггер демонстрирует такое знание оставленного Ницше наследия, что складывается впечатление, будто он помнит всё наизусть. Обдумана, тщательно взвешена каждая фраза, каждый попутный намек.

Вопреки всему ученому миру со всеми его предубеждениями вдруг заявить и показать в этих лекциях, что учение о вечном возвращении относится к наиважнейшим основам философии Ницше, также заслуга немалая. К тому же зная наверняка, что данная точка зрения при ее несомненной истинности никогда не получит признания (что и доказано временем). Ведь речь идет не о рассудочном и не об экзальтированном понимании этой концепции, как у карлика и зверей Заратустры, а о глубочайшем экзистенциальном открытии, связанном с вечностью и невозможном без преобразования самого мыслителя. «Он (Заратустра) не только говорит иначе, он и сам иной...» (*Friedrich Nietzsche, Ecce homo, Vorwort, 4*).

«Я возвращаюсь вместе с этим солнцем, этим орлом и этой змеей не к какой-то новой жизни или лучшей жизни или похожей жизни: я вечно возвращаюсь к этой же самой жизни, в самом большом и также в самом малом...» (*Friedrich Nietzsche, Also Sprach Zarathustra, Der Genesende, 2*). То есть настоящее – не повторение, а именно *возвращение* бесконечно далекого прошлого – не сходство, а полное тождество. Всё вокруг, включая и нас самих, *и есть* это самое прошлое... и одновременно бесконечно далекое будущее. Не циклы или спирали в линейном времени: возвратившееся имеет место не в другой момент времени, наступивший спустя миллионы и миллионы лет, а именно в тот же самый момент – также и время снова становится тем же, также и время замкнуто в круг. Всё вечно возвращается именно к самому себе. Прошлое и будущее соединены в настоящем, явлены в нем, являются им. Мгновение, в котором мы находимся прямо сейчас, раскрывается не как по сути своей мимолетное, но как то, что было, есть и будет всегда, как причастное вечности. Гераклитовское становление оказывается *также* и парменидовским бытием, ведь всё преходящее – *также* и неуничтожимое и неизменное, в своем возвращении существующее всегда. Каждое мгновение, весь круг времен, само время погружены в вечность. «Вот в чем мое утешение: всё, что было, – вечно: море снова вынесет всё обратно» (*Friedrich Nietzsche, Wille zur Macht, 1065*).

Как, в самом деле, существует, *как* может существовать весь этот мир (сущее в целом), если прошлое и будущее не существуют, а настоящее в каждый следующий миг тоже исчезает в небытии? На этот важнейший метафизический вопрос Хайдеггер находит в филосо-

фии Ницше поразительно очевидный ответ: мир существует как вечное возвращение. Согласно этому учению прошлое и будущее – не ничто, но *вечно есть*, в своей неизменности пребывая в неведомом вневременном измерении как некая возможность, вернее, необходимость снова и снова являться в мгновениях конечного, преходящего бытия. Увидеть в мгновении вечность и означает понять, что время есть круг.

Даже тот, кто изучил всё наследие Ницше, – если вообразить такой гипотетический персонаж, – найдет в этих лекциях много нового, неожиданного, интересного.

В последних разделах лекций о Ницше (§ 19–22) обсуждаются те же темы, что и в работе «Что такое метафизика?», но рассматриваются они несколько в ином ракурсе. Различные подходы к одним и тем же вопросам взаимно дополняют друг друга и помогают лучше понять суть дела. В частности и по этой причине книга, которую вы держите в руках, составлена именно таким образом.

В томе, посвященном концепции вечного возвращения, 22 раздела (§ 1 – 22). В настоящем издании представлены § 1–7 и § 19–22. По моему мнению, именно эти разделы дают наилучшее представление обо всем курсе лекций о вечном возвращении. Перевод выполнен по изданию: *Martin Heidegger. Nietzsches metaphysische Grundstellung im abendländischen Denken: Die ewige Wiederkehr des Gleichen. II. Abteilung: Vorlesungen 1923–1944. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1985. Gesamtausgabe, Bd. 44.* Перевод § 1–7 ранее публиковался в альманахе *Splendor Solis* (Вып. 2, Nox, М., 1995), затем в журнале «Онтология времени» (№ 3, М., 2000) и, исправленный и дополненный переводом § 19–22, в альманахе «Волшебная Гора: традиция, религия, культура» (Волшебная Гора, М., 2005. Т. 10), этот же вариант размещен на сайте www.nietzsche.ru. При подготовке настоящего издания в перевод были внесены дополнительные исправления и уточнения. Все цитаты из Ницше либо переведены заново (в большинстве случаев), либо отредактированы их дореволюционные переводы.

Несколько слов о собственной оценке получившегося перевода этого трудного автора. Это, скорее, поиск подхода к переводам его сочинений, нежели какой-то окончательный результат. Вне всяких сомнений, Хайдеггера можно точнее, понятнее, да и вообще по-другому перевести. Надеюсь, это когда-нибудь произойдет. Правда, неясно, каким образом в этой технократической цивилизации может возникнуть просвет, когда к философии, метафизике, смыслу и сущности бытия пробудится вдруг интерес. Пока же хотелось бы верить, что и по этому переводу можно получить представление о философии Хайдеггера, пусть даже самое общее.

В заключение приведем фрагмент из интервью с Эрнстом Юнгером, состоявшегося за несколько дней до его 100-летнего юбилея:³

Какое впечатление произвел на вас Мартин Хайдеггер, когда вы ближе познакомились с ним? Говорят, у него был такой взгляд, будто он видит насквозь...

В его манере говорить, в простых, но всегда существенных вопросах, в долгом молчании было что-то невероятно притягательное, что-то магическое. Впрочем, у меня был случай прямо здесь, у себя дома поэкспериментировать с исходящей от него непреодолимой притягательной силой. Он нанес мне визит, и мы отправились на прогулку в сад⁴. Наблюдая за его походкой – помню, на нем была зеленая кепка – и слушая, как он говорил, делая длинные паузы, я чувствовал завораживающую силу его присутствия. Во всем образе и поведении философа отражалась магнетическая сила размышлений, подлинного вопрошания: она-

³ Antonio Gnoli, Franko Volpi. I prossimi titani: conversazioni con Ernst Junger. Milano: Adelphi, 1997.

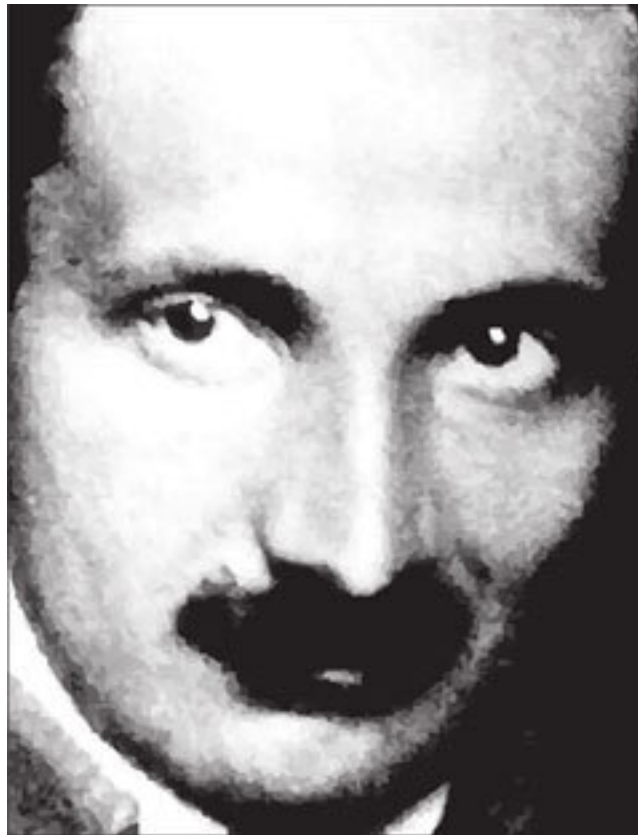
⁴ Это было вскоре после войны (не Первой, а Второй мировой).

то и притягивала, убеждала собеседника. Потом, вспоминая, я видел его в Мюнхене в начале 50-х годов, где он выступал с докладом о технике.

И больше вы уже не встречались?

Кажется, нет. Когда он умер, я был среди немногих, присутствовавших на погребении. Когда мы с Лизелоттой пришли в церковь, гроб был уже закрыт, но Эльфрида, супруга Хайдеггера, велела снова его открыть, чтобы я смог в последний раз посмотреть на него. Это была очень насыщенная церемония со всеми католическими сакральными ритуалами и с прощальной речью его друга, проповедника Бернарда Вельте. И всё же в атмосфере чувствовалась некоторая неловкость из-за того, что он, в общем-то, отдалился от католицизма, хотя и не вышел из него окончательно. На своем памятнике он просил высечь звезду вместо креста. Он также просил, чтобы после церемонии, когда гроб опустят в могилу, почитали стихи Гёльдерлина.

Что такое метафизика?

Что такое метафизика? Можно подумать, что далее последуют рассуждения о метафизике. Вовсе нет. Вместо этого мы рассмотрим конкретный метафизический вопрос, благодаря чему окажемся непосредственно в метафизике. Метафизика получит возможность представлять самое себя.

Начнем с постановки метафизического вопроса, затем попытаемся углубиться в него и закончим ответом.

Постановка метафизического вопроса

Согласно Гегелю, с точки зрения здравого смысла философия – «вывернутый наизнанку мир». Поэтому наши намерения требуют предварительного разъяснения. Метафизическое вопрошание включает в себе два характерных аспекта.

Во-первых, каждый метафизический вопрос всегда охватывает всю проблематику метафизики в целом. Он всегда и есть это целое. Во-вторых, каждый метафизический вопрос может быть поставлен только таким образом, что спрашивающий как таковой также оказывается в сфере вопроса.

Отсюда следует, что метафизическое вопрошание должно относиться к целому и всегда основываться на конкретной ситуации вопрошающего. Мы спрашиваем здесь и теперь, для себя. В сообществе ученых, учителей и учащихся наше здесь-бытие* определяется наукой. Что происходит в основах нашего здесь-бытия, если наука стала нашей страстью?

Области наук не пересекаются. Их методологии кардинально различны. Разрозненное множество дисциплин сегодня объединяется лишь технической организацией университетов и факультетов, а относительный смысл им придают практические цели конкретных специальностей. Сами же науки стали поверхностными и более не укоренены в собственных основах.

Тем не менее во всех науках, если следуют их положениям, имеют дело с самим сущим. С точки зрения наук ни одна область исследований не имеет над другой никакого преимущества: ни природа над историей, ни наоборот. Ни одна методология не превосходит другую. Математическое познание не является более строгим, чем филологическо-историческое. Оно отличается лишь «точностью», не имеющей никакого отношения к строгости. Требовать точности от истории было бы прегрешением против понятия строгости в гуманитарных науках. Мировоззрение, на котором основываются науки, предполагает поиск сущего и затем превращение его, согласно форме и содержанию, в предмет исследований и основополагающих определений. В науках, по их самому принципу, осуществляется «приближение» к сути вещей.

Научное мировоззрение со своим особенным отношением к сущему опирается на определенную свободно выбранную человечеством позицию. Однако при до- и вненаучном образе мыслей и действий также имеют дело с самим сущим. Отличие науки в том, что она предоставляет первое и последнее слово исключительно самому предмету исследования. Подобное овеществление вопрошания, определений и обоснований ведет к ограниченности и подчинению сущему – как будто раскрытие сущего зависит лишь от него. Такой статус научных исследований и теорий, находящихся в услужении у сущего, дает им возможность претендовать на ведущую, хотя бы и ограниченную, роль во всем человеческом бытии. Научное мировоззрение, равно как и избранная человечеством позиция, на которой оно основано, могут быть полностью поняты лишь при условии, что мы видим и создаем суть этого мировоззрения. Человек – сущее среди прочего сущего – «занимается наукой». При этом «занятии» происходит вторжение одного сущего под названием «человек» во всю полноту сущего. То есть в этом вторжении и благодаря этому вторжению сущее раскрывает себя: что оно есть и как оно есть. Это вторжение помогает сущему прежде всего вернуться к самому себе.

Мировоззрение, позиция и вторжение – сие триединство вносит в научную экзистенцию ясность и простоту здесь-бытия. И если мы безоговорочно принимаем это научное здесь-бытие, то должны заявить:

- то, с чем имеет дело научное мировоззрение, есть само сущее и ничто иное;
- то, откуда исходят все позиции, есть само сущее и ничто другое;
- то, что исследуется при вторжении, есть само сущее и более ничего.

Удивительно, но когда человек научного мировоззрения формулирует свои важнейшие убеждения, говорит он еще и о чем-то другом: необходимо исследовать только сущее и ничто иное – исключительно сущее и ничто другое – ничего, кроме собственно сущего.

Какое такое «ничто, ничего»? Случайность ли, что мы так говорим? Ничто иное, как оборот речи?

Какое нам, собственно, дело до этого «ничто»? Наука отклоняет ничто, отбрасывает его как ничтожное. Однако отбрасывая ничто таким образом, разве тем самым его не признают? И можно ли вообще говорить о признании, если мы не признаем *ничего*! Правда, быть может, сие – всего лишь пустая игра слов. В ответ на это наука должна еще раз со всей строгостью и серьезностью заявить, что имеет дело исключительно с сущим. Чем может быть для науки ничто, как ни бредом и ужасом? Одно несомненно: наука ничего не желает знать о ничто. Таково окончательное строгое научное отношение к ничто. Мы не хотим ничего знать о ничто, но именно тем самым как раз и знаем его.

Наука ничего не желает знать о ничто. Очевидно и следующее: пытаюсь выразить собственную суть, наука призывает на помощь ничто. То есть использует то, что отвергает. Не свидетельствует ли это о некоем двуличии?

Размышляя о нашем сегодняшнем бытии, определяющемся наукой, мы пришли к противоречию. По ходу приведенных к тому рассуждений вопрос, по сути дела, уже возник. Осталось лишь сформулировать его: так как же обстоит дело с ничто?

Углубление в вопрос

Углубление в вопрос о ничто должно привести к очевидной возможности либо, наоборот, невозможности ответа. Итак, займемся ничто. Наука с высокомерным безразличием считает его «тем, чего нет».

Но всё же попытаемся поразмышлять о ничто. Что есть ничто? И сразу проблема: уже в самом вопросе мы заранее считаем ничто чем-то, что так или иначе «есть» – считаем его сущим. Коим оно, разумеется, не является. Вопросание о ничто – что оно есть и как оно есть – превращает то, о чем спрашивается, в свою противоположность. Вопрос лишает себя собственного предмета.

Соответственно, и всякий ответ на этот вопрос невозможен. Ведь вопрос неизбежно предполагает, что ничто «есть» то или другое. Как вопрос, так и ответ о ничто равно нелепы.

И для опровержения вовсе не обязательно привлекать науку. Основные правила всякого мышления – принцип непротиворечивости, общая «логика», снимают этот вопрос. Потому что мышление по своей сути – всегда мышление о чем-то, при попытке же мыслить ничто оно вступает в противоречие с собственной природой.

Поскольку ничто никак невозможно превратить во что-то, в предмет, мы со своим вопросом о ничто оказываемся в тупике... правда, в предположении, что в данном вопросе высшей инстанцией является «логика», что разум есть средство, а мышление – путь к изначальному пониманию ничто и выводу о возможности и способах его открытия.

Можно ли посягать на непогрешимость логики? Так ли уж очевидно и безусловно в вопросе о ничто господство разума? Несомненно, лишь с помощью разума мы вообще сумели определить ничто и поставить эту проблему, хотя бы и саморазрушительную. Ведь ничто есть отрицание всего сущего, просто не-сущее. То есть мы выводим ничто из отрицания, считая его результатом последнего. Отрицание же, согласно учению той же непогрешимой логики, суть специфическое действие разума. Разве возможно, поэтому, в вопросе о ничто, тем более при постановке такого вопроса, пытаться обойтись без помощи разума? Но так ли уж очевидны все наши предположения? Относятся ли «не», «отрицаемость» и отрицание к более высокому уровню, чем ничто, представляющее собой лишь особый результат отрицания? Известно ли нам ничто только благодаря «не» и отрицанию? Или наоборот? Быть может, как раз отрицание и «не» известны нам лишь благодаря ничто? Хотя ни то, ни другое не очевидно, подобный вопрос прежде не ставился. Мы утверждаем, что ничто изначальнее, нежели «не» и отрицание.

Если этот тезис верен, то такое действие разума, как отрицание, а вместе с тем и сам разум так или иначе зависят от ничто. Как же тогда он может судить о ничто? Не кажутся ли, поэтому, вопросы и ответы о ничто нелепыми лишь из-за слепого упрямства рассудка?

И если нас не смутит формальная невозможность вопроса о ничто, и мы несмотря ни на что всё же не снимем его, то должны будем по крайней мере выполнить основное требование, предъявляемое к любому вопросу, без которого даже рассматривать вообще ничего нельзя. Если ставится под вопрос ничто, само по себе ничто, то прежде всего оно должно «где-то быть». У нас должна быть возможность каким-то образом встретиться с ним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.